и мира. Что же все-таки «лучше», военная слава или блага мира, осталось неразрешенным. Достаточно ознакомления с любым крупным одическим поэтом, чтобы убедиться, что именно эта неразрешенность является основной темой всей классической оды. Размагничение метафизических полярностей и этим разрешение конфликта принесла новая реальность, именно реальность промышленного капитализма. На почве промышленного капитализма литературная система классицизма стала быстро отмирать, а с нею и абстрактный конфликт «войны» и «тишины».

Заметим еще, что вопрос о Гюнтере не следует ограничивать одной хотинской одой, как это повелось после известных, постоянно цитировавшихся высказываний Штелина и Шлецера. Шевырев же (1843 г.), хотя собирается «сличить оды Ломоносова с одами Гюнтера», однако, на деле ограничивается сопоставлением все той же оды Евгению с Хотинской. Между тем, вопрос гораздо сложнее и еще ждет внимательного обследования. Ломоносов (как впрочем и Державин) сплошь да рядом переводит или полупереводит целые строфы Гюнтера. В блестящей оде An die Frau von Bresslerin Гюнтер развивает типичную для немецкой молодежно-бюргерской поэзии (в частности, студенческой) тему: «похвала наукам». Выписываем одну резко-тематическую строфу (в которой, в параллель Ломоносову, надо заметить строгое строфическое уединение темы, а также метод перечня):

Die Musen lohnen ihren Kindern
Mit innerlicher Freud und Ruh,
Ihr Spielen kann den Gram verhindern,
Und lockt Geduld und Trost herzu;
Man lernt die Eitelkeit betrachten,
Man lernt sie schätzen und verachten,
Man bessert Wandel und Verstand,
Man überwindet Furcht und Schrecken,
An welchen Wahn und Einfalt stecken
Und macht sich Gott und Welt bekannt.[1]

Смысловая интонация (этос студенческой гордости) звучит и в Ломоносовском воспроизведении этой строфы:

Науки юношей питают . . .
Науки пользуют везде . . .

[1] По бреславльскому и лейпцигскому изд. 1735 г. (тому самому, которое было на руках у Ломоносова), т. IV, стр. 45—49.